

ГУМАНИЗМ И ПРАГМАТИЗМ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

ВАРИАНТЫ СОПРЯЖЕНИЯ В КАНАДСКОМ КОНТЕКСТЕ

ЕВГЕНИЯ ИСРАЕЛЯН

Институт США и Канады Российской академии наук, Москва, Россия

Резюме

В статье рассматривается вопрос о возможностях и пределах органического совмещения гуманистических принципов и национальных интересов государств. В связи с этим оценивается значимость ценностных ориентиров в международной деятельности и условиях преобладания государственного прагматизма. Автор рассматривает развитие процессов гуманизации внешней политики в условиях нестабильности и разбалансированности постбиполярного мира. Для обоснования выводов и заключений он опирается на канадские источники и литературу, с учетом широкого признания этой страны в качестве образца принципиальной внешней политики. Опыт Канады иллюстрирует неоднозначность и сложность применения гуманистических принципов к современной международной практике.

Стремительно меняющаяся мировая повестка дня отмечена некоторым прогрессом в разработке гуманитарных подходов (в области международного права, миротворчества, перестройки программ международной помощи). Вместе с тем появились и новые проблемы (защиты населения в вооруженных конфликтах), которые оказались исключительно сложными, спорными и до сих пор далеки от разрешения. Отчасти сложившаяся ситуация объясняется низкой эффективностью международных механизмов обеспечения безопасности, очевидной на фоне характерных для современности глубоких социально-экономических и политических процессов.

Итоги рассмотренных гуманитарных интервенций вновь подтверждают известный тезис о невозможности урегулирования современных конфликтов сугубо военными средствами. Нормализация обстановки требует дальнейших комплексных усилий в русле миростроительства. Становится очевидной глобальная тенденция — смыкание военных и гуманитарных методов, дополняющих друг друга, при растущем значении «мягкой силы» как компонента улаживания конфликтов.

Внешнеполитический курс каждой страны основан на национальных интересах, но формируется с учетом ценностных предпочтений. Обычно ценностный акцент в немалой степени определяет устойчивый и проверенный временем общественный консенсус вокруг вопросов, имеющих отношение к нравственным характеристикам поведения страны в мире. В тех случаях, когда коммерческие, политические или иные задачи правительства вступают в противоречие с гуманитарными ценностями, последние незамедлительно отодвигаются на задний план. Тогда гуманистические приоритеты используются как оправдание или вспомогательное средство в достижении иных целей, продиктованных видением правящими элитами национальных или собственных интересов.

Ключевые слова:

международная безопасность; гуманитарные проблемы; гуманизм; национальные интересы; национальные ценности; Канада; Россия; права человека; международная помощь развитию; гуманитарные интервенции.

Гуманитарная проблематика охватывает широчайший круг вопросов, касающихся прав, интересов и существования человека как такового. Сам термин происходит от латинского «humanitas» и французского «humanitaire», что переводится как человеческая природа, образованность и означает «обращенный к человеческой личности»¹. Изучение такого рода проблем – предмет интереса различных научных дисциплин, которые расходятся в его понимании, определении приоритетных направлений исследования и предпочтительных методологических приемов. Это обусловило исключительно многогранный и разноплановый характер работ по данной теме.

В отличие от зарубежных исследований, в российской научной и методической литературе международным аспектам гуманитарной проблематики не уделялось достаточного внимания. Между тем российские государственные структуры придают указанному направлению работы существенное значение. В Концепции внешней политики России 2013 г. подчеркнута роль «мягкой силы» в международной политике, а гуманитарное сотрудничество признано сферой, которая оказывает воздействие на формирование современной полицентричной системы глобального управления, задает вектор ее развития².

Об актуальности тематики свидетельствует растущее значение гуманитарного измерения современных международных отношений [Бокань 2012; Лебедева 2013: 4-15], которое объясняется несколькими причинами. *Во-первых*, распространением невоенных угроз безопасности, имеющих выраженную гуманитарную направленность (экологические бедствия, торговля наркотиками, неконтролируемый поток беженцев, новые вирусные инфекции). *Во-вторых*, изменением природы конфликтов, возникающих теперь преимуще-

ственно на внутригосударственном, а не на международном уровне. *В-третьих*, утверждением прав и свобод человека в качестве общепризнанного нравственного ориентира, и, *в-четвертых*, общей гуманизацией международного права.

В настоящей статье сделана попытка зафиксировать некоторые ставшие очевидными глобальные тренды, которые определяют сущность современного гуманизма. Выделены три основные сферы гуманитарной деятельности: оказание помощи развитию; защита прав человека; обеспечение безопасности личности в вооруженных конфликтах. Обозначенные тренды не существуют в чистом виде, они тесно переплетаются, воздействуя друг на друга, что становится дополнительным свидетельством сложности происходящих в мире процессов и трудности их прогнозирования.

Выбор внешней политики Канады как предмета исследования не случаен. Эта страна известна историческими традициями и разносторонним опытом деятельности в гуманитарной области. Достаточно вспомнить, что канадец Дж. Хэмфри был одним из основных разработчиков Всеобщей декларации прав человека 1948 года. Предложение о создании первых чрезвычайных вооруженных сил ООН для урегулирования Суэцкого кризиса 1956 года, подкрепленное дипломатическими усилиями, было выдвинуто знаменитым канадским дипломатом (впоследствии — премьер-министром Канады) Л. Пирсоном, получившим в 1957 г. Нобелевскую премию мира. В рамках влиятельных международных и региональных организаций, «группы восьми» и «группы двадцати» Канада не раз выступала с новаторскими инициативами в гуманитарной области [Keating 1993: 9-23]. Кроме того, ценностная обусловленность внешнеполитической деятельности страны

¹ Российский энциклопедический словарь. Под ред. А.М. Прохорова. М.: Большая Российская энциклопедия. Книга 1. 2001. С. 410.

² Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf?OpenDocument> (дата обращения: 20.12.2013)

достаточно явно проявляется как императив сохранения национальной целостности и идентичности.

1

Программы международной помощи развитию были и остаются важным инструментом воплощения внешнеполитических установок государств. Они реализуются в контексте решения разнообразных и многосторонних задач: для получения экономических дивидендов, повышения политического влияния, противодействия глобальным угрозам. Вместе с тем идеи помощи развитию содержат мощный гуманистический заряд, воскрешая память о традициях миссионерства XIX–XX веков, когда эмиссары из Европы и Северной Америки отправлялись в другие страны не только для обращения в свою веру, но и для осуществления гуманитарного содействия. Мотивация «оказания помощи ближнему», оказавшемуся в беде, находит поддержку общественности.

За более чем шестидесятилетнюю историю принципы и приоритеты международной политики содействия развитию неоднократно подвергались ревизии [Содействие международному развитию 2012: 19–67]. В отличие от предыдущих пересмотров нынешняя трансформация программ представляется поворотом в идеологии и практике содействия развитию. Он обусловлен как процессами роста глобальной взаимозависимости, так и новой стратегической ситуацией в мире.

Набравшая темп глобализация меняет саму повестку дня международной помощи и состав участников программ. В нынешних условиях внешняя политика все более становится результатом сложного взаимодействия различных государственных структур при активном участии гражданского общества и бизнеса. Именно общественные организации обладают уникальными возможностями в деле улаживания межэтнических и конфессиональных конфликтов, предоставления социальных ус-

луг, реализации образовательных и просветительских проектов. Важность использования этого ресурса как одного из элементов нового подхода была признана всеми ведущими международными донорами.

Фундаментальными и политико-структурными факторами, оказавшими воздействие на стратегию помощи развитию, явились изменение архитектуры мироустройства, распад биполярного порядка, формирование полицентричной системы международных отношений, появление «новых доноров» (таких, как Саудовская Аравия, Китай, Бразилия, Объединенные Арабские Эмираты, Индия, Россия и др.). Несмотря на то что политические мотивы у международных доноров по-прежнему сохраняются, помощь развитию перестала быть ареной борьбы двух сверхдержав.

Знаковым событием стало принятие Саммитом ООН 2000 г. документа о Целях развития тысячелетия (ЦРТ). Новаторство подхода состояло в том, что в фокус политики содействия развитию был поставлен человек. Личность рассматривалась как непреложная ценность глобального миропорядка и, соответственно, как единица измерения происходящих процессов. Критериями успешности политики стали не столько показатели экономического роста, сколько данные об инвестициях в человеческий капитал³. Другая новелла концепции – рассмотрение развития как комплексного, многоаспектного явления, включающего такие составляющие, как искоренение нищеты и голода, доступ к всеобщему начальному образованию, продвижение гендерного равенства, обеспечение экологической безопасности.

Новые тенденции прослеживаются и в практической деятельности по содействию развитию. *Во-первых*, происходит заметное увеличение абсолютных объемов официальной помощи: как отмечают авторы курса лекций по этой теме, опубликованного Мировым банком, в 2010 г. данный показатель достиг рекордного уровня – 131 млн долл. [Содействие международному разви-

³ Они получили отражение в Индексе человеческого развития, формируемого ПРООН с 1990 года.

тию 2012: 128]. Указанная тенденция просматривается и в политике Канады: за десятилетие (с 2001 года) канадские государственные инвестиции в помощь развитию были увеличены вдвое; в два раза выросла также помощь государствам Африки южнее Сахары.

В то же время у большинства доноров доля официальной помощи в ВНД (валовом национальном доходе) не достигла отметки в 0,7%. Именно такой уровень был установлен в качестве целевого международной комиссией ООН еще в 1968 году. Примечательно, что комиссию возглавлял в то время знаменитый канадский нобелевский лауреат Л. Пирсон. В настоящее время лишь несколько стран, входящих в Комитет по содействию развитию Организации экономического сотрудничества и развития (Дания, Люксембург, Нидерланды, Швеция, Норвегия) выполнили поставленную задачу. У Канады данный показатель невелик и составляет 0,31% ВНД⁴.

Во-вторых, меняются географические и секторальные контуры политики. В последние десятилетия многие доноры, в том числе США, Великобритания, Канада, концентрируются на неудавшихся (failed) и неустойчивых (failing) государствах. К этой категории были отнесены страны, власти которых не способны обеспечить безопасность граждан и эффективное управление общественными процессами (в их числе, прежде всего, Афганистан, Ирак, Судан, Эфиопия, Пакистан). Именно они признавались одной из самых серьезных угроз глобальной и национальной безопасности, а построение стабильных и успешно функционирующих государств, установление «надлежащей» системы управления были отнесены к сфере национальных интересов доноров. Оттава, в частности, придавала первостепенное значение Афганистану и

Гаити, занимавшим в 2006—2011 годах соответственно первое и второе места в качестве получателей канадских ассигнований. Канада входила в пятерку основных доноров, спонсировавших миростроительство в Афганистане, и лидировала по инвестициям в образование.

Общим для многих доноров стал курс на сокращение числа получателей официальной помощи. Ранее политика основных доноров отличалась широким географическим охватом (Канада до 2005 г. предоставляла финансирование более 150 развивающимся странам и странам с переходной экономикой), в результате чего средства расплылись и их эффективность оставалась небольшой. Канада уменьшила количество реципиентов сначала до 25, а затем, после прихода к власти консерваторов во главе со С. Харпером⁵, — до 20. На них предполагалось расходовать около 80% общего бюджета Канадского агентства международного развития.

Аналитики отмечают неуклонный рост доли стран Африки южнее Сахары и Ближнего Востока среди получателей международной донорской помощи. Отметим при этом, что канадские приоритеты смещаются совсем в другую сторону. Если в первое пятилетие XXI века основным фокусом канадских программ было содействие развитию Африки, то при правительстве С. Харпера это направление оказалось отодвинутым на второй план. Из перечня адресатов выпали беднейшие государства африканского континента (например, Руанда, Замбия, Зимбабве), а из стран Центрально-Восточной Европы в нем осталась только Украина⁶. Между тем еще недавно, в последнее десятилетие XX века, Канада оказывала поддержку 28 государствам Центрально-Восточной Европы, в том числе и России. Основное место в списке реципиентов се-

⁴ Это соответствует показателю в целом по Комитету по содействию развитию ОЭСР на 2011 год. Kristen S. Fantino Criticizes Toronto Star Reporting on Afghanistan. Embassy [Электронный ресурс]. 18.07.2012. URL: <http://www.embassynews.ca/news/2012/07/18/fantino-criticizes-toronto-star-reporting-on-afghanistan/41809>. (дата обращения: 18.11.2013)

⁵ Консерваторы победили на выборах 2006 года и находятся у власти в настоящее время.

⁶ Canada Moves on Another Element of Its Aid Effectiveness Agenda. Canadian International Development Agency. News Release. 23.02.2009. P.2.

годня занимают государства Центральной и Южной Америки и Карибского региона. Они представляются приоритетным направлением внешнеэкономической стратегии С. Харпера, стремящегося к расширению Североамериканской зоны свободной торговли путем заключения договоренностей с отдельными странами или группами стран Латинской Америки⁷.

Более четко выстроено и секторальное распределение международной помощи. Главной задачей признано искоренение нищеты и голода, а основное внимание уделяется социальным приоритетам в соответствии с ЦРТ: обеспечению продовольственной безопасности, защите интересов детей и молодежи, здравоохранению и образованию.

В-третьих, снижается доля «связанной помощи» (tied aid) в общих объемах выделяемого развивающимся странам финансирования. «Связанная помощь» — средства, которые предоставляются стране-получателю на определенных условиях. Чаще всего от реципиента требуется либо согласие на приобретение установленных донором товаров и услуг, либо на проведение реформ, отвечающих интересам доноров. Подобные «увязки» дают развитым странам широкое поле для получения экономических и/или политических дивидендов. Критики такого подхода указывают на часто встречающееся несоответствие донорских поставок нуждам страны-реципиента: неоправданно высокую стоимость их транспортировки; противоречие политики «связанной помощи» стратегии развития, нацеленной на создание собственного потенциала получателей; на сложности администрирования программ и координации действий различных доноров. В целом, по оценкам специалистов, «увязки» фактически снижают на 25—40% объем ассигнований, поступающих в виде помощи развивающимся странам [Carin, Smith 2010: 47].

Принцип «связанной помощи» традиционно широко использовался Канадой, завоевавшей репутацию одного из самых «себялюбивых доноров». По соотношению «связанной помощи» к общему объему финансирования, идущего в развивающиеся страны, она была в числе лидеров: в 2005 г. Канада предоставляла на таких условиях до 40% всех ассигнований [Brown 2008: 93].

Ситуация, однако, меняется. После принятия в 2001 г. членами Комитета по содействию развитию ОЭСР рекомендации об ограничении практики «увязок» в отношении беднейших стран Канада объявила о готовности пересмотреть свою политику. Важным этапом «развязывания» помощи стало решение Оттавы освободить от ограничений продовольственную помощь развивающимся странам: сначала 50% ее общего объема (в 2005 году), а в 2008 году — все поставки этой категории. Кроме Канады, аналогичные шаги предприняли лишь страны ЕС и Австралия. По понятным причинам идея снятия принятых ограничений при оказании помощи не встречает энтузиазма у международных доноров, а ее практическая реализация идет замедленными темпами.

Не претендуя на всесторонний анализ трансформации, происходящей в сфере содействия международному развитию, упомянем оставшиеся за рамками настоящего исследования такие важные новые тренды, как становление группы «новых доноров» из числа развивающихся экономик; формирование различных моделей предоставления помощи; активизация новых участников в лице неправительственных организаций и частного бизнеса. Отмеченные выше явления — часть общего пересмотра международным сообществом стратегии устойчивого развития с целью повышения эффективности результатов. Эти явления дают представление об интенсивном поиске государствами наиболее перспективных технологий решения внешнеполитических задач, возни-

⁷ После вступления в силу в 1994 году Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА) его участники — США, Канада и Мексика продолжили многолетние переговоры об образовании Межамериканской зоны свободной торговли в составе всех стран Западного полушария, за исключением Кубы. Однако эти переговоры зашли в тупик.

кающих в постбиполярном мире и так или иначе затрагивающих их интересы в вопросах поддержания международного авторитета и сохранения гуманистической составляющей поведения на мировой арене.

Разработка «человекоцентричного» подхода к содействию развитию, смена географических и социальных приоритетов, концентрация на наиболее нуждающихся и уязвимых странах, ограничение практики «увязок» свидетельствуют об усиливающейся ориентации доноров на потребности получателей содействия.

Тем не менее для дальнейшего развития «гуманизма» в политике помощи существуют серьезные преграды. Ограничителями становятся новые глобальные вызовы, затрагивающие интересы всех без исключения доноров — «Арабская весна», превратившая Ближний Восток в зону незатухающих конфликтов и угрозу международной безопасности, а также мировой экономической и финансовый кризисы, обострившие конкуренцию за внешние рынки. В этих условиях филантропические, альтруистические мотивы отходят на второй план при оказании содействия развитию, подчиняя его решению политических и коммерческих задач. Данный тезис подтверждается и опытом Канады.

2

Права человека — сфера причудливого переплетения самых разнообразных интересов государств, возникновения острых, порой непредвиденных политических противоречий, столкновения разных мировоззренческих концепций, ценностных ориентиров, правовых подходов. Нахождение общих точек и компромиссов — предмет гуманитарного диалога, сложный и длительный процесс, в котором участвуют практически все члены международного сообщества.

О признании прав человека одной из приоритетных тем современной мировой повестки дня свидетельствуют следующие

факты. *Во-первых*, совершенствуется нормативно-договорная база международного режима защиты прав человека. За последние полтора десятилетия были приняты такие важные регулятивные документы, как: Конвенция о правах инвалидов (2006), три Факультативных протокола к Конвенции о правах ребенка⁸, Декларация ООН о правах коренных народов (2007) и многие другие. Активно ведется разработка стандартов в рамках человеческого измерения ОБСЕ и ЕС.

Во-вторых, создаются новые механизмы, обеспечивающие соблюдение прав человека государствами и отдельными лицами. В их числе трибуналы по военным преступлениям в Руанде, бывшей Югославии и Ливане и Международный уголовный суд, действующий на постоянной основе после принятия в 2002 г. Римского статута. Следует упомянуть также о ликвидации в 2006 г. Комиссии по правам человека, созданной в 1946 г. при Экономическом и социальном совете ООН (ЭКСОС). Комиссия была упразднена из-за острой критики ее работы по поводу включения в ее состав стран-нарушителей, излишней политизации, бюрократизации и неэффективности работы. Вместо нее был создан новый орган, получивший более высокий статус в организационной структуре ООН — Совет по правам человека. *В-третьих*, правозащитная тематика вышла за рамки структур, традиционно предоставлявших ей трибуну (ООН, ОБСЕ), и все чаще включается в повестку дня глобальных саммитов, в том числе «группы восьми» и «группы двадцати», а также двусторонних переговоров.

Права человека — одна из фундаментальных общечеловеческих ценностей, закрепленных в международном праве. Во многих государствах они признаны национальными ценностями и включены в официальные документы. Под **национальными ценностями** понимаются *духовные достижения общества*

⁸ Первый протокол (2000 года) касался торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, второй протокол, принятый в том же году, относился к участию детей в вооруженных конфликтах, третий (2011 года) — к процедуре сообщений о нарушениях прав ребенка.

или народа, которые представляют собой основу его нравственного развития. Они создаются на протяжении всей истории существования той или иной нации, под воздействием материальной и духовной культуры общества. Ценности формируют целостность и обеспечивают устойчивость социальных систем, а при выработке политики становятся ее основами [Израелян, Евтихевич 2013: 61]. Впервые правовой статус личности был определен в Декларации независимости США 1776 года (право на жизнь, свободу и стремление к счастью); положения о правах человека содержат также Конституции Российской Федерации 1993 года, Германии, Канады (Канадская хартия прав и свобод 1982 года) и других стран.

Права человека — не только базовый ценностный ориентир, но и важное направление международной политики. Существуют различные классификации прав и свобод личности. В контексте нашего исследования отметим разделение на индивидуальные и коллективные конституционные права, особо выделив среди последних права общностей и групп.

Признание примата индивидуальных прав, закрепленное в Декларации независимости США, является несущей конструкцией американской политики и общественной мысли. Суть этой концепции состоит в следующем: все американцы имеют равные права, независимо от их социального статуса, политического положения, гражданских позиций и других особенностей, а задача государства — создать все условия для их соблюдения. Это абсолютное, безоговорочное равенство, предполагающее в том числе ассимиляцию различных этнических групп, стало мерилом американской социальной справедливости.

Иное видение прав человека характерно для общественно-политического сознания канадцев. Исторически сложилось, что две этнические и языковые группы — англо- и франкоканадцы — оставались самостоятельными и сохраняли свою национальную идентичность, имея при этом равные конституционные права. Наличие двух этнических сообществ задерживало ассимиля-

цию иммигрантов и позволяло им сохранять культурную самобытность. Так формировалось понимание групповых прав.

Огромное значение для осознания в мире и в Канаде чудовищных последствий нарушения прав этнических групп имела идеология германского национал-социализма с ее главным принципом создания «расово чистого государства». В научную теорию и практику прочно вошел термин «дискриминация» — практика лишения части или всех индивидуальных прав из-за принадлежности к той или иной группе. Соответственно, групповые права так же нуждаются в защите, как и универсальные, всеобщие права.

При этом предполагается, что преимущества принятой группой образа жизни не должны ограничивать индивидуальные возможности. Такое «балансирование между коллективными и индивидуальными правами» отличает канадский образ жизни и правительственную политику, известную своей социальной ориентированностью и успехами в реализации принципов многокультурности.

Во внешнеполитической сфере принцип защиты групповых прав (женщин, детей, беженцев, этнических, религиозных, сексуальных меньшинств) лег в основу многочисленных предложений и практических шагов Оттавы в области прав человека. Такая инициативность, несмотря на известную ограниченность, способствовала поиску решений многих сложных и болезненных проблем. А приверженность принципам международного права составляла выгодный контраст с подходом США, не присоединившихся к некоторым основополагающим соглашениям по правам человека (Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Конвенция о запрещении всех форм дискриминации в отношении женщин, Конвенция о правах ребенка) и зачастую предпочитающих односторонние действия.

Концепция коллективных прав положена в основу конституционного права и внешнеполитической деятельности ряда других государств (Китай, Португалии, Бразилии, Эфиопии) [Чиркин 1997]. В последние деся-

тилетия разработка международных стандартов и договоренностей в этой области привлекает растущее внимание международного сообщества, что объясняется самой логикой поступательного развития современного мира: учет интересов всех слоев населения рассматривается как один из признаков развитой демократии.

Анализируя деятельность стран в области защиты прав человека, разумно поставить вопрос о том, насколько они выполняют взятые на себя международные обязательства. Для политики характерен разрыв между риторикой и практикой, а защита прав уязвимых групп нередко становится скорее декларативным обещанием, чем практическим воплощением принципов. Правозащитная риторика используется правительствами как для укрепления международного авторитета своих стран, так и для повышения популярности власти в глазах общественности.

Выступая на мировой арене с конструктивными и новаторскими предложениями, государства далеко не всегда придерживаются заявленных принципов при формировании внутренней политики. Необходимость приводить национальное законодательство и его применение в соответствие с международными стандартами остается значимой проблемой. Здесь у многих стран есть «белые пятна» и существенные нарушения.

В случае Канады они могут объясняться отсутствием в Конституции четкого разграничения федеральных и провинциальных полномочий во внешней политике, что усложняет ратификацию и исполнение международных договоренностей. Нередки также ситуации несовпадения интересов отдельных общественных групп с целями и задачами правительства. Тогда оно либо

просто старается не связывать себя международными обязательствами, как это было в вопросе о поддержке Декларации о правах коренных народов 2007 года⁹, либо прибегает к избирательному их соблюдению.

Как правило, в своей международной деятельности государства отдают явное предпочтение решению торгово-экономических задач, нередко за счет или вопреки интересам защиты прав человека. Очевидно, что им отводится вспомогательная, второстепенная роль в достижении внешнеполитических целей. В глобальной политике прослеживаются и двойные стандарты: снисходительная реакция на нарушения в странах, приоритетных с экономической точки зрения, сочетается с резким осуждением и санкциями в отношении стран, имеющих меньшее значение.

Мировой опыт показывает, что обеспечение соблюдения прав человека даже в зрелых демократических государствах остается долгим и противоречивым процессом, развитие которого, наряду с крупными достижениями, сопряжено с серьезными трудностями, отступлениями и нарушениями.

3

Защита прав человека в условиях вооруженных конфликтов, возможность военного вмешательства извне являются предметом острых политических и научных дискуссий. Обычно обсуждаются такие проблемы, как легитимность гуманитарных интервенций в контексте международных обязательств по соблюдению принципов национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств; правомочность принятия решений о вооруженных вмешательствах теми или другими многосторонними институтами; критерии применения концепции «ответственности по защите»¹⁰.

⁹ Оттава пыталась уклониться от одобрения документа и только после присоединения к нему практически всех стран поддержала его, сделав ряд оговорок.

¹⁰ Принципы «ответственности по защите» вошли в итоговый документ Саммита тысячелетия ООН в 2005 г. и приняты его участниками в качестве добровольных обязательств. Ключевое положение концепции заключается в следующем: каждое правительство обязано обеспечивать безопасность своих граждан, не допуская массовых убийств и этнических чисток. Если оно не способно или не хочет это делать, то международное сообщество должно вмешаться в конфликт, возможно даже и с применением силы.

Между тем нередко без достаточного внимания остается вопрос о том, помогли ли военные операции обеспечить безопасность и защитить права мирного населения стран, находившихся в конфликте. В этой связи любопытным представляется опыт участия Канады в трех операциях, проводившихся под эгидой НАТО в течение последних полутора десятилетий: в Косове (1999), в Афганистане (в составе международных сил содействия безопасности ИСАФ /ISAF/ с 2003 года), и в Ливии (март—октябрь 2011 года).

Можно констатировать, что накопленный опыт военного вмешательства продемонстрировал *возможности и пределы интервенций по гуманитарным основаниям*. К военным успехам союзников можно отнести: ликвидацию режима талибов в Афганистане осенью 2001 года, разгром ряда группировок боевиков и убийство лидера «Аль-Каиды» бен Ладена в 2011 году, уничтожение репрессивно-авторитарного правительства Каддафи в Ливии, прекращение этнических чисток в Косове.

Однако более очевидными оказались их трагические итоги — колоссальные жертвы среди гражданского населения. Например, согласно источникам ООН, только в 2011 г. в Афганистане погибло свыше 3 тыс. человек¹¹. Непрекращающиеся террор, насилие, наркотрафик свидетельствуют о неспособности сил коалиции выполнить возложенную на них миссию по обеспечению безопасности местных жителей. Население бывшей Югославии и Ливии также заплатило высокую цену за достижение союзниками по НАТО поставленных военных целей. Охарактеризуем их последовательно.

Во-первых, оценивая соотношение военных и гуманитарных результатов, отметим, что военные действия смогли лишь временно приостановить вооруженное противостояние, притушив конфликты, но

не разрешив их. Бомбардировки НАТО Югославии во время косовского конфликта 1999 года, разгромившие страну, так и не привели к снятию косовской проблемы, а столкновения между этническими сербами и албанцами края периодически возобновляются.

Та же тенденция прослеживается в Ливии, где операция НАТО спровоцировала новый виток кровопролития и жестокости, возможно, еще более взрывоопасный, чем события весны 2011 года. На смену нестабильности времен Каддафи пришла конфликтность другого рода: ожесточенная внутриполитическая борьба в стране между группировками, различающимися по идейным убеждениям, социальной и религиозной принадлежности. В Афганистане, наряду с неудачами коалиции в деле обеспечения безопасности, потерпела фиаско и деятельность по перестройке политической и социальной сфер. По индексу развития человеческого потенциала в 2012 г. Афганистан занял 175-е место из 187 стран¹².

Таким образом, даже интервенции, давшие прямые и краткосрочные военно-политические результаты, не смогли решить задачи долгосрочного плана, не привели к урегулированию конфликтов, изменив лишь характер нестабильности и вектор противостояния. Рассмотренные операции имели тяжелые последствия для мирного населения как непосредственно в ходе боевых действий, так и после их прекращения. Вмешательства оказались неоправданными с точки зрения гуманизма и неэффективными в свете достижения гуманитарных целей.

Во-вторых, в литературе широко дебатировался тезис о том, что гуманистические требования соблюдения прав человека использовались руководством НАТО и стран-участников интервенций для маскировки собственных целей в конфликтных

¹¹Koring P. A Decade after Going to War in Afghanistan, the Wins are Fading. The Globe and Mail [Электронный ресурс]. 05.02.2012. URL: <http://www.theglobeandmail.com/news/world/a-decade-after-going-to-war-in-afghanistan-the-wins-are-fading/article545776/>

¹²Human Development Reports. Human Development Index (HDI) —2012. Human Development Indicators and Thematic Tables Statistical Tables from the 2013 Human Development Report [Электронный ресурс]. URL: <http://hdr.undp.org/en/data> (дата обращения: 12.01.2014).

зонах [Куклина 2013]. Иллюстрацией этого тезиса являются ливийские события. При принятии решения о вооруженном вмешательстве правительства западных стран прежде всего руководствовались экономическими соображениями. Главным «раздражителем» была национализаторская политика Каддафи в энергетическом секторе, направленная на ужесточение условий нефтяных сделок с иностранными инвесторами (например, существенное повышение доли ливийской государственной корпорации в контрактах по нефтедобыче). Вопреки ожиданиям, диктатор Ливийской Джамахирии оказался неудобным партнером для международных нефтяных корпораций, лоббировавших его смещение.

Свою роль сыграли и политические мотивы, в частности, недовольство европейских стран независимым курсом Каддафи и его скандальной репутацией, их стремление восстановить свое влияние в регионе путем замены диктатора лояльными европейцам лидерами. Добиваясь его смещения, организаторы операции действовали в нарушение основополагающих гуманитарных принципов «обязанности по защите» - невмешательство во внутренние дела, «отстраненность» от решения политических задач, нейтралитет в отношении конфликтующих сторон. Вновь сработала модель поведения, основанная на четко выраженном государственном прагматизме, который был умело представлен в гуманитарной упаковке.

В-третьих, несмотря на катастрофические итоги последних операций, споры об обоснованности интервенций по гуманитарным основаниям продолжаются. Уместно привести точку зрения профессора Принстонского университета (США) А.-М. Слотер, размышляющей над возможными последствиями невмешательства

мирового сообщества в ливийские события¹³ [Slaughter 2011]. При таком сценарии, потери и издержки, по ее мнению, были бы несопоставимо более масштабными, чем в случае гуманитарной интервенции: ужесточение расправ с оппозицией в Йемене и ирии, новый виток насилия и дестабилизации на всем Ближнем Востоке.

Представляется, что использование санкционированного коллективного гуманитарного вмешательства могло бы войти в практику международных отношений как крайняя мера, используемая только тогда, когда все мирные средства полностью исчерпаны, и при условии дальнейшей проработки его норм, методов и критериев. В этой связи можно выделить три самых актуальных вопроса, требующих решения. Речь идет о необходимости разграничения действий по охране мирного населения и попыток навязывания политических режимов, выгодных участникам военной операции; о целесообразности создания сил быстрого реагирования ООН для использования в подобных ситуациях¹⁴; о возможности вовлечения региональных организаций в разрешение конфликтов, происходящих в их территориальных зонах¹⁵.

Добавим в заключение, что опыт прошедших операций вновь подтвердил известный тезис о невозможности решения подобных конфликтов сугубо военными средствами. Нормализация обстановки требует дальнейших комплексных усилий в русле миростроительства. Становится очевидной глобальная тенденция — смыкание военных и гуманитарных проблем, существующих в неразрывной связи.

* * *

Гуманизм как составляющая международных отношений отражает неопределенность и непредсказуемость современного глобального развития — с его беспреце-

¹³Slaughter A. Why Libya Sceptics Were Proved Badly Wrong. The Financial Times [Электронный ресурс]. 24.08.2011. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/O/18cb7f14-ce3c-11e0-99ec-00144feabdc0.html#axzz2rVqT1CM3> (дата обращения: 14.12.2012).

¹⁴ Такие предложения неоднократно выдвигались на рассмотрение международных форумов и вновь зазвучали после ливийской операции 2011 года.

¹⁵ Например, Африканского союза, устав которого включает принципы «ответственности по защите».

дентными по глубине и масштабам потрясениями и кризисами. В этих условиях государства ведут интенсивный поиск наиболее перспективных технологий решения острых глобальных проблем, позволяющих сочетать гуманитарные мотивации и национальные интересы.

Как таковая область исследования гуманитарной проблематики обширна, исклю-

чительно продуктивна с научной и практической точек зрения и недостаточно изучена. На наш взгляд, существует необходимость разработки понятийного аппарата, а также дальнейшего анализа отдельных, специфических «отраслей» гуманитарной практики на международной арене. Это открывает перспективы для будущих научных исследований.

Список литературы

- Бокань Ю.И. Глобальная гуманитарная миссия России в XXI в. // *Международная жизнь*. 2010. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interaffairs.ru/arpq.php?pg=195> (дата обращения: 10.04.2011)
- Израелян Е.В., Евтихевич Н.С. Гуманитарные аспекты внешней политики Канады. Москва. ИСКРАН. 2013. 214 с.
- Кукина И.Н. Гуманизм: мираж или ориентир. Российский Совет по международным делам. 2013. Июнь. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/library/?id_4=196 (дата обращения 10.01.2014)
- Лебедева М.М. Социально-гуманитарное измерение международных отношений в АТР // *Международные процессы*. Том 11. №1(32). Январь-апрель 2013. С. 4-15
- Содействие международному развитию. Курс лекций // Под ред. В.И. Бартеновой и Е.Н. Глазуновой. Москва Всемирный Банк. 2012. 403 с.
- Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран. М.: Юристъ. 1997. 568 с. [Электронный ресурс]. URL: http://lawtoday.ru/razdel/biblio/kpzs/DOC_042.php (дата обращения: 05.05.2011)
- Brown S. CIDA Under the Gun / Canada Among Nations. 2007. What Room to Manoeuvre? // Ed. by J. Daudelin and D. Schwanen. Montreal, Kingston: McGill-Queen's University Press. 2008. С. 91-108
- Carin B., Smith G. Reinventing CIDA. Calgary: Canadian Defence & Foreign Affairs Institute. May 2010. 67 с.
- Keating T. Canada and World Order. The Multilateralist Tradition in Canadian Foreign Policy. Toronto: McClelland & Stewart Inc. 1993. 274 с.

HUMANISM AND PRAGMATISM IN INTERNATIONAL RELATIONS CANADIAN CONTEXT

EVGENIA ISSRAELYAN

The Institute for The U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN),
Moscow, 123995, Russian Federation

Abstract

The article analyses opportunities and constrains for combining humanist intentions and national interests of states. Do values frame foreign policy of the states? When do considerations of state pragmatism prevail? Does the contemporary foreign policymaking become more human-centered? While looking for answers, the author of this article explored Canadian sources and policies, which confirm that the promotion of humanitarian principles to the foreign policy agenda is a complicated and contradictory process, closely associated with economic, political, military and cultural dimensions of IR. Canada was selected as a pattern for its long-term traditions, broad experiences and innovative initiatives in the humanitarian area.

Foreign policy of states is defined by national interests and integrates a core set of national values. Normally there is a consistent and verified public consensus around values related to the behavior of state in IR. However, states have proven to be pragmatic in their commitments to humanism, and sacrifice human rights obligations to trade and commerce promotion. Whenever humanitarian principles do not coincide or compete with political and commercial interests of the state or of the political elite, they will be moved away to the background, give priority to achieving pragmatic goals, and used for justification or as subordinate means.

The contemporary humanitarian agenda presents a combination of traditional and new dimensions. There has been certain success achieved in such established fields as the development of humanitarian law, international development programs, and peacekeeping. However, recently the focus of the debates is being shifted to new issues – e.g. protection of civilians in armed conflicts – which appeared to be extremely complex, controversial and lacking solutions.

Humanitarian interventions proved that contemporary conflicts cannot be managed exclusively by military force. Normalization of the situation depends on various peacebuilding efforts. Evidently, military and humanitarian methods are meshing, accompanied by the growing significance of soft power as a component of conflict resolution.

Keywords:

International security, humanitarian issues, humanism, national interests, national values, Canada, Russia, international assistance, humanitarian interventions.

References

- Bokan Y.I. (2010). Globalnaia missia Rossii v XXI veke [Russia's Global Humanitarian Mission in the XXI century // *Mezhdunarodnaya zhizn*. №10. Available at: <http://www.interaffairs.ru/arpq.php?pg=195> (accessed: 10.04.2011)
- Brown S. (2008). CIDA Under the Gun. In: *Canada Among Nations 2007. What Room to Manoeuvre?* Ed. by J. Daudelin and D. Schwanen. Montreal, Kingston: McGill–Queen's University Press: 91–108
- Carin B., Smith G. (2010). *Reinventing CIDA*. Calgary: Canadian Defence & Foreign Affairs Institute. 67 p.
- Chirkin V.E. (1997). *Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran*. [Constitutional Law of Foreign Countries]. Moscow. Jurist. 568 p. Available at: http://lawtoday.ru/razdel/biblio/kpzs/DOC_042.php (accessed: 05.05.2011)
- Issraelyan E.V., Evtikhevich N.S. (2013). *Gumanitarnye aspekty vneshei politiki Kanady*. [Humanitarian aspects in Canadian Foreign Policy]. Moscow, ISKRAN. 214 p.
- Keating T. (1993). *Canada and World Order. The Multilateralist Tradition in Canadian Foreign Policy*. Toronto: McClelland & Stewart Inc. 274 p.
- Kuklina I.N. (2013). Gumanizm: mirage ili orientir? [Humanism: Mirage or Landmark?]. *Rossiiskii Soviet po mezhdunarodnym delam*. June. Available at: http://russiancouncil.ru/library/?id_4=196 (accessed: 10.01.2014)
- Lebedeva M.M. (2013). Socialno–gumanitarnoe izmerenie mezhdunarodnykh otnoshenii v ATR. [Social and Humanitarian Dimensions of IR in Asia–Pacific]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 11. № 1 (32). Available at: <http://www.intertrends.ru/thirty-second/Lebedeva.pdf> (accessed: 24.05.2013)
- Sodeistvie Mezhdunarodnomu razvitiu*. Kurs lektsii. (2012). [International Assistance. Course of Lectures]. Ed. Barteneva V.I., Glazunova E.N. Moscow. Vsemirnyi Bank. 403 p.